

СОН И СМЕРТЬ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»

С. В. Азизова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 ноября 2025 г.

Аннотация: целью данной статьи является рассмотрение понятий «сон» и «смерть» в повести А. Платонова «Котлован». Эти пограничные пространства не только организуют самобытную философскую мысль писателя о бытии, но также имеют отражение и развитие в рамках его уникального художественного мира.

Ключевые слова: А. Платонов, «Котлован», повесть, сон, смерть, экзистенциализм.

Abstract: the aim of this article is to examine the concepts of “dream” and “death” in A. Platonov’s novella “The Foundation Pit”. These liminal spaces not only organize the author’s distinctive philosophical thought on the being but are also reflected and developed with the framework of his unique artistic world.

Keywords: A. Platonov, “The Foundation Pit”, novella, dream, death, existentialism.

Художественный мир в повести А. Платонова «Котлован» (1930) представляет уникальное явление в литературе 1930-х годов. Обращаясь к теме социалистического строительства, писатель формирует утопическое пространство, в котором идеологическая установка на успешную реализацию производственного проекта Общепролетарского дома не получает своего завершения как в повести, так и в исторической реальности, открывая пространство для философской рефлексии о бытии.

Пространственно-временная организация в «Котловане» осложнена пограничным хронотопом. Отмеченная «разомкнутость» времени [1, 194] и нарушение границ между жизнью, сном и смертью демонстрирует диалог между умирающей дочерью владельца кафельно-изразцового завода и ее ребенком Настей:

— А ты не заснешь и не уйдешь от меня? — спросила она у дочери.

— Нет, я уж спать теперь расхотела. Я только глаза закрою, а думать все время буду о тебе: ты же моя мама ведь! [2, 102].

Несмотря на отсутствие развернутых описаний сновидений, в повествовании акцентируется их семантическая и эмоциональная многозначность от ощущения надежды до предчувствия смерти «в глинистой могиле» [2, 99]. Сны в «Котловане» также становятся маркером глубинных переживаний героев. Так, в повести наблюдаются «редкие слезы — от сновидения или неизвестной тоски» [2, 82].

Если, по наблюдению З. Фрейда, сны возникают как проявление внутреннего раздражителя, связанного с вытесненным и недоступным ему знанием [3, 107], то в художественном мире А. Платонова зна-

чимым оказывается не столько скрытый импульс, сколько конкретный объект воспоминания, с которым возможно установление или, напротив, утрата коммуникации. Расстройство сна у Прушевского связано с нарушением встречи, так как он «кого-то утратил» [2, 93]. Поэтому воспоминания выступают не только как основа для формирования сновидения, но и как свидетельство сохранения связи, что обнаруживается, например, в отношении Насти к Чиклину: «...Настя часто видела Чиклина во сне и даже не хотела спать, чтобы не мучиться на утро, когда оно настанет без него» [2, 142].

Вместе с тем сон обладает потенциалом символического воскрешения, что реализуется посредством воспоминаний об образе ушедшего. Так, в диалоге Насти с умирающей матерью память функционирует как основа устойчивой внутренней связи, продолжающей бытие умершего в сознании живого:

— Мама, а отчего ты умираешь — оттого что буржуйка или от смерти?..

— Мне стало скучно, я умиралась, — сказала мать.

— Потому что ты родилась давно-давно, а я нет, — говорила девочка. — Как ты только умрешь, то я никому не скажу, и никто не узнает, была ты или нет. Только я одна буду жить и помнить тебя в своей голове... [2, 103].

Чиклин, заметив «буржуйку» и поцеловав ее, пытается определить, та ли это женщина, поцеловавшая его ранее в усадьбе, где он нашел ее снова. Поцелуй здесь воспринимается как символ платонической любви, которая в художественном мире А. Платонова ценится выше физической: «Спустившись в убежище женщины, Чиклин наклонился и поцеловал ее вновь.

— Она же мертвая! — удивился Прушевский.

— Ну и что ж! — сказал Чиклин. — Каждый человек мертвым бывает, если его замучивают. Она ведь тебе нужна не для житья, а для одного воспоминанья» [2, 107].

Душа в художественном мире А. Платонова также подчеркнуто ставится выше классовой принадлежности, что противоречит господствующей в литературе 1930-х гг. идеологической парадигме. Смерть не является для Насти трагедией, поскольку она помнит свою мать и будет видеть ее в своих снах. Однако во время болезни она ощущает скуку и просит Чиклина отнести ее к матери или принести ее останки. Примечательно, что физический облик для героев А. Платонова не имеет значения. Чиклину приходится разломать весь скелет матери девочки на отдельные кости, чтобы Насте было удобно спать с ними. Для героини обретает важность принадлежность объектов, которые дополняют утраченное для души тело: «Настя сильно обрадовалась материнским костям; она их по очереди прижимала к себе, целовала, вытирала тряпочкой и складывала в порядок на земляном полу» [2, 168].

В художественном мире А. Платонова смерть воспринимается и как возможность сделать выбор, что также близко точке зрения мыслителя Э. М. Чорана. Философ, рассматривая смерть как коренную проблему для жизнелюбия, приходит к выводу, что возможность самоубийства «всегда приносит свободу, оно — высшее экстренное спасение» [4, 72]. Однако у А. Платонова смерть — это путь не к абсолютной свободе, не безвозвратный переход в инобытие, а к возрождению. Так, Чиклин высказывает мысль о том, что «все мертвые, это люди особенные» [2, 119], которым в пространстве смерти «нескучно меж собой» [2, 107]. Не менее важным является и комментарий из записной книжки А. Платонова, утверждающий мысль о возрождении: «Мертвецы в котловане — это семя будущего в отверстии земли» [5, 43].

В «Котловане» примечательным является мотив гроба. Исследователи замечают, что в повести «почти все его герои-мастера заняты (наряду с механизмами и паровозами) изготовлением гробов и приготовлением к смерти» [6, 181]. Помимо метафизического смысла этого мотива, в сюжете «Котлована» неожиданно появляется заготовка мужиками гробов «впрок»: «У нас каждый и живет оттого, что гроб свой имеет: он нам теперь цельное хозяйство!» [2, 112] — объясняет мужик Елисей, упрекая строителей, что они отобрали их гробы, заготовленные «по самообложению». В контексте 1930-х годов «самообложение» — это вид местного налога, направляемого на местные нужды. Устанавливался он в каждом селении по усмотрению властей. Горькая ирония, отмеченная А. Платоновым, заключается в том, что оставшиеся в окрестных селах одиночники владеют лишь собственными гробами, заготовленными ими же. Т. А. Никонова по этому поводу за-

мечает, что повесть «Котлован» отражает не только метафизическую проблематику, но и историческую реальность: установка Сталина на то, «чтобы “индивидуалу в смысле усадебного личного хозяйства жилось бы хуже”, была выполнена с убийственной точностью» [7, 151].

Пограничным пространством является также и вырытый героями котлован. Его семантику исследователи определяют в повести по-разному. Приведем некоторые точки зрения. Котлован рассматривается как символ «загробного царства» [8, 176], «утроба» [9, 58], «всепожирающая яма» [10, 27], а также как «рана» на теле Земли, над которой должна быть проведена хирургическая операция, чтобы освободить героев от смерти [11, 161]. Котлован также становится своего рода могилой, где хоронят Настю.

Смерть ребенка становится кульминационным моментом в повести А. Платонова. Для некоторых героев Настя умирает не как живое существо, а как навязанная идеологами идея, которая не оправдала их надежды, что «коммунизм — это детское дело» [2, 171]. При этом осознание смерти ребенка открывает философу Воцеву глаза на сущность утраченной им истины о любви к ближнему и ценности человеческой жизни, а не абстрактной концепции: «Воцев согласился бы снова ничего не знать и жить без надежды в смутном вожделении тщетного ума, лишь бы девочка была целой, готовой на жизнь, хотя бы и замучилась с течением времени. Воцев поднял Настю на руки, поцеловал ее в распавшиеся губы и с жадностью счастья прижал ее к себе, найдя больше того, чем искал» [2, 170—171].

Исследователи предлагают различные интерпретации финала повести «Котлован». Рассматривается как влияние философии Н. Ф. Федорова об утопическом воскрешении людей, изложенной в труде «Философия общего дела» (1912) [12; 13], так и противопоставление его идеям, так как «Платонов не утверждает, что человек способен спасти себя. Он задается вопросом и сомневается» [14, 296]. Обнаруживается параллель с поэмой А. Данте «Божественная комедия» (1321) в утверждении мысли о надежде [15, 90], а также с крахом Вавилонской башни из Книги Бытия Ветхого Завета [8; 10]. Религиозно-философскую интерпретацию финала «Котлована» как повесть о надежде предлагает К. Н. Крючков. Он обращается к Евангелию и выявляет подтекст мотива воскресения Насти, на что указывают освящение фундамента, похороны на третий день, а также имя девочки, которое с греческого трактуется как возвращение к жизни, возрождение [16, 134]. В монологе Воцева К. Н. Крючков также отслеживает размышление об ипостасной истине и жертвенном служении: «Потому-то Воцев, даже застав Настю умершей, прижимает ее к себе “с жадностью счастья” и находит “больше того, чем искал”, а мед-

ведь, ранее получивший от Насти новое имя, прикасается к ней на прощание, завершая тем свое преображение» [16, 128].

Особый интерес в контексте темы воскрешения представляет диалог Платона «Федон» (в 360-х гг. до н.э.), в котором изображается предсмертная беседа Сократа с его учениками. Исходя из аналогии между сном и бодрствованием, где существуют переходы: «засыпание» и «пробуждение», философ стремится обнаружить аналогичные переходы между жизнью и смертью, формулируя идею о взаимосвязи «умирания» и «оживания», приходя к мысли о бессмертии души: «Раз наша душа существовала ранее, то, вступая в жизнь и рождаясь, она возникает неизбежно и только из смерти, из мертвого состояния. Но в таком случае она непременно должна существовать и после смерти: ведь ей предстоит родиться снова» [17, 32]. Обращение к диалогу античного мыслителя обусловлено тем, что в художественном мире А. Платонова герои также не воспринимают смерть как окончательное небытие. Она не равнозначна исчезновению, а содержит в себе потенциал возвращения.

В записях разных лет А. Платонова обнаруживается фраза: «Очень важно. Конечно, лишь мертвые питают живых во всех смыслах. Бог есть — покойный человек, мертвый» [5, 272]. Цитата Ф. Ницше из первой записной книжки писателя 1921 г. («Бог умер, теперь хотим мы, — чтобы жил сверхчеловек» [5, 17]) задает центральный конфликт антирелигиозной эпохи, который А. Платонов решает иначе. Если у Ф. Ницше освободившееся место Бога занимает «сверхчеловек», то у А. Платонова факт смерти Бога означает не иерархическую волю к власти, а конец религиозной идейности и наступление всеобщего онтологического равенства людей в бытии, сиротстве и перед лицом смерти. Эта философская мысль отражена в его статье «Христос и мы» (1920). В ней А. Платонов пишет: «Люди видели в Христе бога, мы знаем его как своего друга.

Не ваш он, храмы и жрецы, а наш. Он давно мертв, но мы делаем его дело — и он жив в нас» [18, 28].

Таким образом, в повести А. Платонова «Котлован» сон и смерть выступают не только важными структурными компонентами, формирующими хронотоп и мироощущение героев, но и ключевыми элементами его философии. А. Платонов является выдающимся писателем, сумевшим создать такую собственную художественную систему, «внутренне замкнутую и обладающую собственными закономерностями» [19, 79], которую Д. С. Лихачев определял как подлинную литературу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пастушенко Ю. Поэтика смерти в повести «Котлован» / Ю. Пастушенко // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 2. По материа-

лам конференции, посвященной 95-летию со дня рождения А. П. Платонова. 17—19 октября 1994 года. — М.: Наследие, 1995. — С. 191—197.

2. Платонов А. Сочинения. Т. 4. 1928—1932. Кн. 1. Повести / А. Платонов; гл. ред. Н. В. Корниенко; редкол.: Е. В. Антонова [и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 653 с.

3. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ и Новый цикл / З. Фрейд; под общ. ред. М. Б. Аграчевой, А. М. Боковой, Е. С. Калмыковой; пер. с нем. на рус. яз. М. В. Вульфа, Н. А. Алмаева. — М.: Фирма СТД, 2003. — 607 с.

4. Чоран Э. М. После конца истории: Философская эссеистика / Э. М. Чоран // Пер. с франц.; Предисл., биогр. справка Б. Дубина. — СПб.: Симпозиум, 2002. — 544 с.

5. Платонов А. П. Записные книжки: материалы к биографии / А. П. Платонов; сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Н. В. Корниенко; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — 2-е изд. М.: ИМЛИ, 2006. — 418 с.

6. Касаткина Е. «Прекращение вечности времени» или страшный суд в Котловане (Апокалиптическая тема в повести «Котлован») / Е. Касаткина // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 2. По материалам конференции, посвященной 95-летию со дня рождения А. П. Платонова. 17—19 октября 1994 года. — М.: Наследие, 1995. — С. 181—190.

7. Никонова Т. А. Андрей Платонов в диалоге с миром и социальной реальностью: Монография / Т. А. Никонова. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. — 220 с.

8. Бодин П.-А. Загробное царство и Вавилонская башня. О повести Платонова «Котлован» / П.-А. Бодин // Классицизм и модернизм. — Tartu, 1994. — С. 168—183.

9. Карасев Л. В. Движение по склону. О сочинениях А. Платонова / Л. В. Карасев. — М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2002. — 140 с.

10. Гюнтер Х. По обе стороны от утопии: Контексты творчества А. Платонова / Х. Гюнтер. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 208 с.

11. Баршт К. А. Поэтика прозы Андрея Платонова / К. А. Баршт. — 2-е изд., дополн., — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. — 480 с.

12. Дужина Н. И. Путеводитель по повести А. П. Платонова «Котлован»: учебное пособие / Н. И. Дужина. — М.: Издательство МГУ, 2010. — 184 с.

13. Золотоносов М. Н. Ложное солнце («Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской культуры 1920-х годов) / М. Н. Золотоносов // Вопросы литературы, 1994 — № 5. — С. 3—43.

14. Вьюгин В. Ю. Андрей Платонов: поэтика загадки (Очерк становления и эволюции стиля) / В. Ю. Вьюгин. — СПб.: РХГИ, 2004. — 440 с.

15. Харитонов А. А. Архитектоника повести А. Платонова «Котлован» / А. А. Харитонов // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Библиография. — СПб.: Наука, 1995. — С. 70—90.

16. Крючков К. Н. Финал повести А. Платонова «Котлован» в религиозно-философской перспективе / К. Н. Крючков // Воронежская филологическая школа: Юбилей, на-

учные контакты, современная практика. Сборник научных статей. Вып. 2. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021. — С. 124—134.

17. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2 / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. — М.: Мысль, 1993. — 528 с.

Воронежский государственный университет

Азизова С. В., аспирант кафедры русской литературы XX—XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: sophiaazizova@gmail.com

18. Платонов А. П. Сочинения. Т. 1. 1918—1927. Кн. 2. Статьи / А. П. Платонов; гл. ред. Е. В. Антонова; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: ИМЛИ РАН, 2004. — 512 с.

19. Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения / Д. С. Лихачев // Вопросы литературы. — 1968. — № 8. — С. 74—87.

Voronezh State University

Azizova S. V., Postgraduate Student of the Department of Russian Literature XX—XXI centuries, Theory of Literature and Humanities

E-mail: sophiaazizova@gmail.com